
Стихи
Леонидъ Страховскій.
У Антиквара.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ АВТОРА

МОЕЙ ЖЕНѢ

Настоящее изданіе отпечатано въ Брюсселѣ, въ типографіи Л. Квашиной, въ количествѣ ста экземпляровъ на papier Ingres, нумерованныхъ арабскими цифрами, изъ которыхъ семь нумерованныхъ отъ I до VII въ продажу не поступаютъ.

№ 84

Leonid Strakhovskii

ЛЕОНИДЪ СТРАХОВСКІЙ

U ANTIKVARA

У АНТИКВАРА

STIKHI

СТИХИ

Strakhovsky, Leonid Ivan, 1898-1963

Издательство Русскихъ Писателей въ Бельгіи
„ЕДИНОРОГЪ"

БРЮССЕЛЬ
1927

У антиквара
Я смотрѣлъ на старинныя вещи.
Былъ онъ самъ сгорбленный, старый,
Съ блестящей солнечной плешью.
Онъ ходилъ быстро и мягко,
Слегка постукивая палкой, —
И казались онъ и лавка
Неразрѣшимою загадкой.
Вещи онъ подносилъ любовно
Сухими дрожащими руками,
Словно
Это были драгоцѣнные камни.
А были онѣ самыя простыя,
Копѣечныя;
Но вѣрилось, что онъ не простилъ бы,
Если сказать, что онѣ — не вѣчныя.
Ибо время вселяетъ въ вещи
Любившія ихъ души.
Если, читатель, не вѣришь,
Переверни страницу и слушай.

КИТАЙСКІЙ БОЖОКЪ.

Маленькій божокъ, уродливый и красный,
(Каждый вечеръ тотъ-же)
Смотритъ каждый разъ безстрастно
Какъ я мучаюсь, Боже!

Ручки сложены бездумно и лѣниво
На расплывшемся желудкѣ,
Голова его плѣшива
И качается круглыя сутки.

А когда я встрѣчаюсь съ его глазами,
Узкими, какъ щелки,
Вѣки мои наполняются слезами,
И въ носу покалываютъ иголки.

И мнѣ легче. Потому что мнѣ видно,
Что онъ мучается тоже,
Ибо въ немъ душа мандарина,
А вѣдь самъ то онъ?.. Боже!

Самъ онъ, какъ и я, — игрушка
Красной краски,
Дѣтская, бьющаяся игрушка —
Божокъ китайскій.

ФАРФОРОВАЯ ГЕЙША.

Фарфоровая гейша склонилась
Надъ Севрскимъ пастушкомъ,
Даруя ему, какъ милость,
Хризантемъ бѣлоснѣжный комъ.

Весело рѣяли звуки,
(Японскій ли гимнъ или вальсъ?)
Какъ вдругъ, отъ любви или скуки,
Полка съ гвоздя сорвалась.

И качнувшись безстыдно и нѣжно,
Фарфоровая гейша и пастушокъ
Полетѣли, обнявшись, въ бездну...
Сѣренькій злобный рокъ

Полку качалъ равнодушно
(Незавиденъ земли удѣлъ!), —
А на полу лежали бездушно
Осколки фарфоровыхъ тѣлъ.

ЧАСЫ ДІАНЫ.

На кругломъ циферблатѣ стрѣлокъ
Давно ужъ нѣтъ, —
Пропѣли золотой Діаны стрѣлы
Въ мятежномъ ходѣ лѣтъ.

Надъ бѣлымъ дискомъ стала стройно,
Держа лукавый лукъ.
И смотритъ раненный олень спокойно
На сгибы рукъ.

Два сердца билось часто, звонко:
И въ мигъ — ударъ.
А стрѣлки извращеньемъ тонкимъ
Любовный длили жаръ.

Теперь же затянулись раны,
Весна прошла;
Теперь ужъ никого не ранитъ
Діаны золотой стрѣла.

ПЛЮШЕВАЯ ОБЕЗЬЯНА.

Буря разыгралась не на шутку
Въ стаканѣ воды: —
Обезьяна увела куколку-малютку
И хвостомъ замела слѣды.

Встревожились старый и малый.
„Нѣтъ, братъ обезьяна, шалишъ, дудки!“
И китайскій божокъ головой усталой
Отсчитывалъ за минутой минутки.

Бѣжало время. Проходилъ день,
прошла ночь, —
Прошли сутки.
Обезьяна цѣловала куколку точь въ точь,
Какъ раньше дѣвочка, шепча прибаутки.

А на другой день вернулась обезьяна;
Но никто не замѣтилъ, какъ сіяли глава
куколки-малютки.
Только китайскій божокъ посмотрѣлъ пьяно
И... пересталъ отсчитывать за минутой
минутки.

ЛАМПА.

Была она когда-то эмалевой,
Но эмаль вся потрескалась, —
И теперь небо палевое
Обратилось въ „feld-grau“ нѣмецкое.
Жила она нѣсколько столѣтій —
Три или четыре, не знаю, —
Но послѣдній разъ принадлежала дѣтямъ,
Маленькому Витѣ и Аглаѣ.
Какъ трепетно билось ея пламя,
Когда, умирая, Витя метался
И кричалъ: „Хочу къ мамѣ, къ мамѣ!“
Но такъ у смерти и остался.
А потомъ она долгія ночи
Огонькомъ путеводнымъ свѣтилась,
Душой улетѣвшей. И смыкались очи
Дѣвочки Аглаи. И любовь ей снилась.
Но когда Аглая полюбила
И цѣловала жадно и сладко,
Пламя лампы въ послѣдній разъ забилось
И потухло, разрѣшая загадку.

ВѢЕРЪ.

„Вѣеръ лэди Виндермэръ“,
Антикваръ сказалъ учтиво.
Я повѣрилъ, — такъ красиво:
— Вѣеръ лэди Виндермэръ.

Блеклыхъ кружевъ легкій плѣнъ,
Бѣлыхъ пальцевъ переборы.
И пронзаютъ чьи-то взоры
Блеклыхъ кружевъ легкій плѣнъ.

Послѣ танца онъ ушелъ.
Не простившись. Незамѣтно.
Сердце билось безотвѣтно:
Послѣ танца онъ ушелъ.

Такъ бываетъ иногда.
Въ кровь кусала губки алы,
Возвращаясь послѣ бала.
Такъ бываетъ иногда.

ПАПУЛУМСИРО.

Неточкой звали дѣвочку,
Полюбившую куклу со страннымъ
названьемъ:
Папулумсиро.
Куклу съ глазами въ стрѣлочку,
Въ яркомъ смѣшномъ одѣяньи
Индѣйскаго бога-кумира.

Неточка стала большой.
Стала подкрашивать губки.
Кто-то чужой подошелъ
Къ жизни ея, какъ къ скорлупкѣ,
И сапогомъ раздавилъ
Хрупкую жизнь дѣвьяго міра.
Неточка плачетъ, куклу сжимая.
Въ стрѣлочки-глазки глядитъ, умирая.
Онъ вѣдь не зналъ, не любилъ
Папулумсиро.

ШПАГА.

Шпага толедской стали
— Благородное оружіе —
Въ блескѣ вечерняго солнца
Огненной змѣей золотится.
Лезвіе испещрено узоромъ —
Свивами и развивами линій,
Какъ локоны неизвѣстной красавицы,
За которую бился рыцарь.
Кто-же владѣлъ этой шпагою?
Донъ Жуанъ, Сирано или Фаустъ?
Или плѣненный любовію
Вѣчно-живой Казанова?
Старческій голосъ отвѣтилъ:
Она принадлежала Лунарію,
Шуту Его Величества
Короля Обѣихъ Сицилій.

ГЛИНЯНЫЙ РЫЦАРЬ.

Скреблись мыши у антиквара,
Глинянаго рыцаря поѣдали.
И огнемъ пожара
Загорались вечернія дали.

„ Въ Брюггэ на каналѣ въ домикѣ низкомъ,
„ Надвинувшемъ на самые окна
черепичную крышу,
„ Дѣвушка рядомъ съ Францискомъ
Ассизскимъ
„ Поставила глинянаго рыцаря въ нишу.
„ И молилась обоимъ и Маріи-Дѣвѣ,
„ Пока не пришелъ живой рыцарь.
„ Тогда дѣвушка стала жить въ Клэвѣ
„ И перестала молиться.
„ А однажды вечеромъ, когда алѣли крыши,
„ Вернулась дѣвушка въ домикъ низкій.
„ Но по прежнему стояли рядомъ въ нишѣ
„ Глиняный рыцарь и Францискъ Ассизскій.

Дребезжалъ, разсказывая, голосъ старый.
Потухали загорѣвшіяся дали.
Скреблись мыши у антиквара,
Глинянаго рыцаря поѣдали.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

„Мистерія въ восьми разсказахъ“.
Брюссель, 1926.

ПОДЪ ПСЕВДОНИМОМЪ
ЛЕОНИДЪ ЧАЦКІЙ:

„Ладья“, стихи. Берлинъ, 1922.

„Фантазіи Лорда Генри“, разсказы.
Берлинъ, 1923.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Издательство Русскихъ Писателей въ Бельгіи
„ЕДИНОРОГЪ“
139, rue de la Victoire, 139
Bruxelles

ЦѢНА: 5 Ф